

ВЛАДИМИРЪ СЕРГѢВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.

(† 31 іюля 1900 г.).

Въ началѣ двадцатыхъ чиселъ іюля газеты сообщили о тяжелой болѣзни знаменитаго нашего философа, заставшей его въ селѣ Узкомѣ Моск. губ., имѣни друга его кн. Трубецкого. Со всѣхъ концовъ Россіи стали тамъ получаться телеграммы съ выраженіемъ соболѣзнованія. Появилось затѣмъ было извѣстіе объ улучшеніи въ состояніи больного. Но 31 іюля въ 9 час. вечера его уже не стало.

Не стало Владимира Соловьева... Кому изъ образованныхъ русскихъ людей было незнакомо это имя? Мало того,—думается, что трудно найти даже такое захолустье въ нашемъ отечествѣ, гдѣ бы хоть отчасти не былъ извѣстенъ писатель, умѣвшій затронуть столь много сторонъ и вопросовъ какъ общечеловѣческой, такъ и специально-русской жизни. Покойный Владимиръ Сергѣевичъ пользовался рѣдкой, всероссійской извѣстностью и громадной популярностью. Достаточно напомнить только, какой громадный фуроръ производилъ онъ, когда выступалъ съ какимъ-либо публичнымъ чтеніемъ или докладомъ. Иногда одного его имени было довольно, чтобы на самый сухой рефератъ набиралось столько слушателей, что ихъ не могли вмѣщать и обширнѣйшія аудиторіи нашихъ столицъ. Случалось ему помѣстить статью или замѣтку въ ничтожномъ приложеніи къ какому-либо иллюстрированному изданію,—и тогда его произведеніе не оставалось неизвѣстнымъ, потому что обыкновенно не читаемое изданіе начинало читаться нарасхватъ. А сколько газетнаго шума вызывали иногда не только публицистическія его произве-

денія, но и нѣкоторые совершенно научные трактаты! Сколько противъ него писалось и серьезныхъ критикъ, и пасквилей, и пародій!... Научныя и литературныя общества, кружки и изданія считали для себя за большую честь его сотрудничество. Его предисловіе къ книгѣ или редактированіе какого-либо перевода обезпечивали послѣднимъ безусловный успѣхъ. Собственныя его сочиненія выдерживали по нѣскольку изданій и расходились въ громадномъ количествѣ; и это надо сказать не только о публицистическихъ его сочиненіяхъ, а и о совершенно научныхъ и даже довольно трудныхъ для пониманія средняго читателя ¹⁾. Живо и тяжело чувствуется смерть такихъ людей. Мы такъ привыкли время отъ времени слышать этотъ вѣщій голосъ, всегда во-время и съ интересной стороны обращающій вниманіе русскаго общества либо на ту или иную злобу дня, либо на какую-нибудь забытую вѣчную истину, либо просто на аномаліи и парадоксы нашей жизни и обыденной логики. И вотъ теперь уже приходится подводить первые итоги этой рано оборвавшейся жизни ²⁾...

Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ родился въ 1853 году въ Москвѣ. Онъ былъ сынъ извѣстнаго русскаго историка С. М. Соловьева. Учился онъ въ Москвѣ на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ Московскаго университета. Кандидатскую степень онъ въ 1873 году получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ. По окончаніи университетскаго курса, онъ въ теченіе года былъ вольнымъ слушателемъ нашей Московской духовной академіи и здѣсь, кромѣ богословія, занимался еще преимущественно философіей подъ руководствомъ покойнаго профессора

¹⁾ Такъ совершенно естественно, что выдержалъ *четыре* изданія его „Национальный вопросъ въ Россіи“,—самая увлекательная, интересная, общедоступная и основательная изъ всѣхъ русскихъ книгъ, посвященныхъ вопросамъ политической и общественной жизни. Но надо считать очень большимъ успѣхомъ, что, напримѣръ, и его „Оправданіе добра“,—серьезный и глубокий философскій трактатъ около 600 страницъ,—а также и его переводъ „Пролегомень ко всякой будущей метафизикѣ“ Канта тоже выдержали по *два изданія*.

²⁾ Мы говоримъ „первые итоги“—потому, что въ наскоро составленной журнальной замѣткѣ немисливо дать сколько-нибудь полный обзоръ и характеристику чрезвычайно разносторонней и важной научно-литературной дѣятельности Владиміра Сергѣевича.

нашего В. Д. Кудрявцева. Можно, во всякомъ случаѣ, сказать, что эти занятія оказали вліяніе на его магистерскую диссертацию, — „Кризисъ западной философіи, противъ позитивистовъ“ (1874 г.), — которую онъ защитилъ потомъ въ Петербургскомъ университетѣ¹⁾. По полученіи степени магистра, Владиміръ Сергѣевичъ въ 1875—1877 годахъ состоялъ доцентомъ въ Московскомъ университетѣ по кафедрѣ философіи. Профессорскую службу онъ вскорѣ оставилъ, сдѣлавшись членомъ ученаго комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія (1877—1881 гг.) и занявшись составленіемъ докторской диссертации. Диссертацию эту, подъ заглавіемъ „Критика отвлеченныхъ началъ“ (1880 г.), онъ въ 1880 году защищалъ въ Петербургскомъ университетѣ и получилъ за нее степень доктора философіи. Послѣ защиты диссертации онъ не надолго снова выступаетъ на профессорскомъ поприщѣ (въ теченіе двухъ лѣтъ—1880 и 1881 гг.—былъ приватъ-доцентомъ въ СПб. Университетѣ и преподавалъ на высшихъ женскихъ курсахъ), но съ 1881 года посвящаетъ себя исключительно научно-литературнымъ и публицистическимъ трудамъ. Эти труды собственно и создали ему ту широкую извѣстность, о которой мы только что говорили. Но справедливость требуетъ сказать, что почти во всѣхъ главныхъ и основныхъ чертахъ міровоззрѣніе Владиміра Сергѣевича раскрыто уже въ раннѣйшихъ его трудахъ.

Литературная дѣятельность В. С. Соловьева началась очень рано. Первое изъ извѣстныхъ намъ его произведеній, — „Мнѣологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ“, — напечатано было въ „Православномъ Обзорѣніи“ за 1873 г. (кн. 11). Тамъ же продолжало появляться и большинство послѣдующихъ его сочиненій до половины 1886 года. То обстоятельство, что В. С. около половины времени, обнимающаго его литературную дѣятельность, печатался въ духовномъ журналѣ, легко объясняется общимъ характеромъ и преобладающимъ интересомъ его работъ. Работы эти — почти исключительно *богословско-философскаго* характера. Но, не говоря уже о богословіи, которое почти никогда не находило себѣ доступа

¹⁾ Вліяніе это особенно замѣтно въ ея терминологіи и характеристикахъ философскихъ ученій.

на страницы нашихъ свѣтскихъ журналовъ,—и философія до самаго конца восьмидесятихъ годовъ, когда основался журналъ „Вопросы философіи и психологіи“, могла находить себѣ мѣсто почти исключительно въ духовныхъ журналахъ. За названной первой статьёй слѣдовала въ томъ-же „Православномъ Обзорѣніи“ магистерская диссертация Вл. Серг-ча (Пр. Об. 1874 г., кн. 1. 3. 5. 9. 10). Далѣе, въ томъ-же журналѣ печатались: „Позитивизмъ, теорія О.² Конта о трехъ фазисахъ въ умственномъ развитіи человѣчества“ (1878, кн. 11);—„Метафизика и положительная наука, вступительная лекція“ (1875, 2);—„Чтенія о Богочеловѣчествѣ“ (1878, 3—7. 9; 1879, 10; 1880, 11; 1881, 2. 9);—„Жизненный смыслъ христіанства, философскій комментарий на ученіе о Логосѣ ап. Іоанна Богослова“ (1883, 1);—„Еврейство и христіанскій вопросъ“ (1884, 8. 9);—„Религіозныя основы жизни“ (1884, 1—3);—„Догматическое развитіе церкви въ связи съ вопросомъ о соединеніи церквей“ (1885, 12);—„О христіанскомъ государствѣ и обществѣ“ (1884, 4);—„Царство Божіе и церковь въ откровеніи Новаго Завѣта“ (1885, 9);—отрывки изъ труда „Исторія и будущность теократіи, изслѣдованіе всемірно-историческаго пути къ истинной жизни“ (1885, 1. 8; 1886, 5—6). Кромѣ того, за этотъ періодъ Вл. Серг. сотрудничалъ еще въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Русской Мысли“. Въ первомъ имъ напечатаны были статьи: „О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича“ (1874, 12) и „Философскія начала цѣльнаго знанія“ (1877, 3. 4. 6. 10. 11). Во второмъ печаталась его докторская диссертация и статьи: „О дѣйствительности внѣшняго міра и основаніи метафизическаго познанія, отвѣтъ К. Д. Кавелину“ (1875, 6) и „Странное недоразумѣніе, отвѣтъ г. Лесевичу“ (1875, 2). Въ третьей—статья „Историческія дѣла философіи, вступительная лекція“ (Р. М. 1881, 2). Въ это-же время имъ были напечатаны отдѣльными изданіями: „Три силы, публичная лекція, М. 1877;“—„Три рѣчи въ память Достоевскаго, М. 1884;“—„Національный вопросъ въ Россіи, М. 1884“¹⁾. Уже въ этомъ періодѣ Владиміръ Сергѣевичъ успѣлъ составить себѣ прочную репутацию

¹⁾ Отдѣльными-же изданіями выходили и многіе труды Вл. С-ча, печатавшіеся въ журналахъ.

мыслителя глубокаго, серьезнаго и—главное—смѣлаго. Свои убѣжденія онъ высказывалъ совершенно открыто, не справляясь съ традиціонными условностями; а блестящій литературный талантъ обусловливалъ этимъ воззрѣніямъ распространеніе въ широкихъ кругахъ читающей публики. Надо, впрочемъ, сказать, что наше образованное общество менѣе знакомо съ этими трудами почившаго мыслителя,—хотя въ нихъ то именно и выразилась самая существенная и большая часть его міровоззрѣнія,—чѣмъ съ позднѣйшими его публицистическими работами ¹⁾.

Время наибольшей популярности Владиміра Сергѣевича падаетъ на вторую половину его литературной дѣятельности, съ конца восьмидесятыхъ годовъ. Теперь онъ начинаетъ сотрудничать въ молодомъ философскомъ журналѣ („Вопросы философіи и психологіи“), сгруппировавшемъ вокругъ себя представителей самыхъ разнородныхъ направленій и сразу же завоевавшемъ себѣ общія симпатіи какъ интереснымъ подборомъ статей, такъ и отсутствіемъ партійности. Сотрудничества этого онъ не покидалъ до самой своей смерти. Статьи Вл. С-ча, понятно, составляли лучшее украшеніе журнала и, какъ намъ извѣстно, чрезвычайно высоко цѣнились редакціей и читателями. Такъ уже въ первой книжкѣ журнала напечатана была чрезвычайно интересная его статья: „Красота въ природѣ“ (Вопр. ф. и пс. 1889, 1). За нею послѣдовали рядъ другихъ статей—эстетическаго, историко-философскаго, религіозно-философскаго, а преимущественно этическаго характера. Изъ нихъ слѣдуетъ назвать: „О поддѣлкахъ“ (кн. 8);—„Смысль любви“ (кн. 15—17);—„Безусловное начало нравственности“ (кн. 30);—„Современное состояніе вопроса о медунизмѣ“ (кн. 23);—„Аскетическое начало въ нравственности“ (1895, кн. 26);—„О добродѣтеляхъ,—изъ нравственной философіи“ (кн. 28);—„Мнимыя начала нравственнаго поведенія“ (кн. 29);—„Дѣйствительность нравственнаго порядка“ (кн. 31);—„Нравственная организація человѣче-

---

¹⁾ Въ качествѣ публициста В. С. выступалъ и въ первую половину своего писательнаго періода. Такъ онъ одно время сотрудничалъ въ славянофильской „Руси“, гдѣ напечаталъ статьи: „О духовной власти въ Россіи“, „О церкви и расколѣ“, „Великій споръ и христіанская политика“ и пр. Но не этимъ создавалась его публицистическая слава.

ства“ (кн. 34—35);—„Понятіе о Богѣ“ (кн. 38) и др. Эти статьи, привлекавшія къ себѣ большое вниманіе общества, по существу дѣла не много прибавили къ славѣ Владиміра Сергѣевича, потому что представляли, по большей части, лишь раскрытіе ранѣе провозглашенныхъ и установленныхъ имъ принциповъ, но онѣ еще прочнѣе укрѣпили за нимъ репутацію одного изъ самыхъ выдающихся русскихъ философовъ. Самымъ крупнымъ философскимъ трудомъ В. С-ча за этотъ періодъ является его книга „Оправданіе добра“ (въ 1899 г. было 2-ое изданіе), представляющая собою, по справедливому замѣчанію одного изъ ея рецензентовъ, „первый русскій курсъ философской этики“¹⁾. Другимъ чрезвычайно важнымъ и цѣннымъ трудомъ было начатое изданіе сочиненій Платона въ русскомъ переводѣ (вышелъ 1-й томъ); но, къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему довести до конца это дѣло.

На ряду съ серьезными научно-философскими работами, В. С—чъ развиваетъ въ этотъ періодъ чрезвычайно богатую и разностороннюю дѣятельность и въ другихъ родахъ литературы. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на его публицистическія статьи и изданія. Нѣкоторыя изъ нихъ могли появиться только за границей. Таковы, напр., „L' idée Russe“ (Paris, 1888) и „La Russie et l' Eglise Universelle“ (Paris, 1889). Въ политическихъ и общественныхъ взглядахъ его за это время произошелъ нѣкоторый переворотъ. Прежнее сочувствіе славянофиламъ уступило мѣсто болѣе широкимъ взглядамъ: В. С. хорошо разсмотрѣлъ и блестящимъ образомъ другимъ показалъ,—всѣмъ, кто не старался намѣренно закрывать глаза предъ очевидностью, — сколько эгоистическаго самодовольства скрыто въ міровоззрѣніи и общественно-политической программѣ нашихъ націоналистовъ. Идоламъ національной вражды и исключительности онъ сталъ противопоставлять вѣчные, истинно-христіанскіе и общечеловѣческіе идеалы справедливости и добра²⁾. Эти воззрѣнія В. С—ча вырази-

¹⁾ Отдѣльныя части этой книги печатались въ видѣ самостоятельныхъ статей въ „Вопр. фил. и псих.“ и въ „Вѣстн. Евр.“.

²⁾ Во многихъ газетныхъ некрологахъ В. С—ча повторяется, что его умственное развитіе имѣло нѣсколько фазисовъ. Это справедливо только относительно его политическихъ и общественныхъ воззрѣній. Философскіе-же взгляды неизмѣнно развивались въ одномъ направленіи.

лись главнымъ образомъ въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“: „Очерки изъ исторіи русскаго сознанія“ (В. Е. 1889, кн. 5. 6. 11. 12);—„Россія и Европа“, по поводу книгъ Данилевскаго и Страхова (1888, 2. 4);—„О грѣхахъ и болѣзняхъ“, по поводу статьи Н. Н. Страхова (1889, 1);—„Идолы и идеалы“ (1891, 3, 6);—„Споръ о справедливости“ (1894, 4);—„Народность съ нравствен. точки зрѣнія“ (1895, 1);—„Значеніе государства“ (1895, 12);—„Византизмъ и Россія“ (1896, 6) и мн. др. Кромѣ „Вѣстника Европы“ публицистическія статьи его появлялись и въ другихъ журналахъ и даже газетахъ, — напр., въ „Русской мысли“ („Мнимая борьба съ Западомъ“, 1890, 8), въ „Русскомъ Обзорѣніи“ („Китай и Европа“, 1890, 2; „Талмудъ и новѣйшая политическая литература о немъ въ Австріи и Германіи“), „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Новостяхъ“ и др. Въ прошломъ году и началѣ нынѣшняго года много толковъ вызвали печатавшіеся въ „Книжкахъ недѣли“ его „Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи“ (теперь существуетъ въ отдѣльномъ изданіи).

Богатыя духовныя дарованія В. С—ча искали себѣ выхода въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Не удивительно поэтому, что онъ не ограничился ролью мыслителя (философа и публициста), а попробовалъ свои силы и на поприщѣ художественнаго творчества. Его „Стихотворенія“, печатавшіеся по большей части въ журналахъ, главнымъ образомъ въ „Вѣстникѣ Европы“, вышли потомъ отдѣльно и теперь уже выдержали три изданія. Писалъ онъ и беллетристическія вещи,—напр., рассказъ „То было раннею весной“ (въ „Русской мысли“). Есть у него и литературныя характеристики—напр.: „Судьба Пушкина“ (въ „Вѣстн. Евр.“ 1897, 9);—„Поэзія Тютчева“ (тамъ-же, 1885, 1);—„Поэзія гр. А. К. Толстого“ (ibid., 1895, 4) и мн. др. ¹⁾.

Въ лицѣ В. С. Соловьева русская наука и литература потеряли одного изъ самыхъ видныхъ своихъ представителей.

¹⁾ Не задаваясь цѣлью дать полный перечень литературныхъ трудовъ Владиміра Сергѣевича, мы указали только важѣйшее, а изъ прочаго лишь то, что могли припомнить и найти. Но несомнѣнно, что для выясненія его литературной фізіономіи имѣютъ значеніе и остальные его сравнительно мелкія работы.

Его выдающееся значеніе въ обѣихъ этихъ областяхъ было даже официально признано и при жизни — Московскимъ психологическимъ обществомъ, избравшимъ его въ свои почетные члены, и Императорской Академіей наукъ, давшей ему въ прошломъ году званіе почетнаго академика. Теперь, когда онъ умеръ и не прибавитъ уже болѣе ничего къ оставленному имъ для образованной Россіи наслѣдству, на дѣятеляхъ нашей науки и литературы лежитъ нравственный долгъ предъ памятью почившаго мыслителя и писателя — выяснить обществу заслуги его, охарактеризовать и безпристрастно оцѣнить его міровоззрѣніе и указать мѣсто, какое принадлежитъ ему въ исторіи нашего умственнаго развитія ¹⁾. Мы въ настоящемъ случаѣ, не принимая на себя во всемъ объемѣ этой чрезвычайно сложной и трудной задачи, позволимъ себѣ только высказать нѣсколько самыхъ общихъ впечатлѣній, какія оставили въ насъ философскіе и публицистическіе труды покойнаго ²⁾.

Сочиненія В. С. Соловьева (имѣемъ въ виду собственно его философскія и публицистическія работы) производили на читателя нѣсколько необыкновенное впечатлѣніе. Обычно читаемый авторъ оставляетъ въ душѣ читателя только интеллектуальный слѣдъ, т. е. раскрываетъ нѣкоторыя новыя стороны вопроса, даетъ новую аргументацію изв. взгляда, или устанавливаетъ цѣнность прежнихъ теорій и ихъ доказательства, вызываетъ согласіе съ собой или отрицательное къ себѣ отношеніе и т. п. Сочиненія Владиміра Сергѣевича всегда увлекали читателя, независимо отъ того, соглашался онъ съ авторомъ, или нѣтъ, — всегда производили, помимо интеллектуальнаго, чрезвычайно сильное эстетическое впечатлѣніе. Другими словами, они всегда были *интересны* — въ томъ смыслѣ, что ихъ всегда хотѣлось прочитать и всегда было пріятно читать. Иногда, не соглашаясь съ нимъ ни въ одномъ пунктѣ, не можешь однако оторваться отъ чтенія и непременно дочитываешь его статью до конца въ одинъ приемъ. Это былъ пи-

¹⁾ О Вл. С. Соловьевѣ много писалось и при жизни; но то были, по большей части, критическія и полемическія статьи, нерѣдко чуждыя безпристрастія.

²⁾ Впослѣдствіи, впрочемъ, мы имѣемъ намѣреніе заняться разборомъ и характеристикой гносеологическихъ и метафизическихъ его воззрѣній.

сатель, котораго трудно было не читать, о чемъ-бы онъ ни писалъ. Это впечатлѣніе обуславливалось главнымъ образомъ тремя чертами, характеризующими его писательство: замѣчательной *художественностью* языка, *искренностью* тона и *широтой* кругозора.

Владимиръ Сергѣевичъ былъ рѣдкимъ мастеромъ слова. Читая его, во-очію видишь, какъ прекрасенъ, гибокъ и могучъ нашъ русскій языкъ, и начинаешь понимать, какъ правъ былъ Тургеневъ, когда съ такимъ восторгомъ говорилъ объ этомъ языкѣ и считалъ его принадлежностью великаго народа. Наша беллетристика въ изобиліи давала и даетъ намъ блестящіе образцы художественнаго языка. Но наша научная и дѣловая проза этимъ насъ рѣдко балуетъ. Вл. С—чь сумѣлъ соединить глубину и серьезность съ высокою художественностью. Велѣдствіе этого, думается, его писанія на долго переживутъ тѣ злободневные интересы, которымъ многія изъ нихъ посвящены.

Читая его статьи, замѣтки и большія изслѣдованія, мы почти всюду ощущаемъ какъ-бы соприкосновеніе съ нѣкоторой, можно сказать, пророческой убѣжденностью. Чувствуется, что авторъ твердо знаетъ, что говоритъ и куда хочетъ вести читателя. Иногда онъ возьмется раскрывать какую-нибудь простую, самую обыденную истину, съ дѣтства известную каждому, а читателю кажется, будто онъ знакомится съ чѣмъ-то новымъ: истина, значить, потеряла внутреннюю почву въ нашей душѣ и осталась только въ умѣ, какъ абстракція, какъ сухое воспоминаніе; и только сила искренности и убѣжденности способна установить нарушенную отъ времени связь ея съ элементами нашего чувства, оживить ее въ нашемъ сознаніи. Особенно богатъ такими примѣрами „Національный вопросъ“.

Читая разсужденія какого-нибудь естественника, юриста, дипломата, политико-эконома, эстетика,—вы чувствуете почти всегда, что каждый авторъ глубоко индифферентенъ ко всему, что лежитъ за предѣлами его вопроса;—вы имѣете дѣло съ вполне опредѣленной точкой зрѣнія на предметъ, игнорирующей возможное соприкосновеніе послѣдняго съ другими интересами нашей духовной жизни. Это обыкновенно порождаетъ нѣкоторую смутную неудовлетворенность, нѣкоторое недоумѣніе къ цѣнности и важности изучаемыхъ воззрѣній.

Только въ томъ случаѣ, когда спеціальное разсужденіе имѣетъ болѣе глубокіе корни, когда за аргументаціей даннаго частнаго мнѣнія чувствуется извѣстное постоянно подразумеваемое міровоззрѣніе, не позволяющее автору односторонне жертвовать одними интересами въ пользу другихъ, — читатель не испытываетъ такой неудовлетворенности. Онъ можетъ не сочувствовать самому міровоззрѣнію, но онъ всегда ясно будетъ понимать важность и цѣнность вопроса. Эта способность разсматривать вещи и явленія „sub quadam specie aeternitatis“ составляетъ принадлежность умовъ философскихъ. Ею владѣлъ и покойный Вл. С—чъ, — не въ томъ смыслѣ, чтобы позволять себѣ, напр., обсужденіе житейскихъ вопросовъ съ метафизической точки зрѣнія, а въ томъ, что всякое свое воззрѣніе умѣлъ такъ или иначе связать съ вѣчными интересами человѣчества. Въ этомъ отчасти заключался и секретъ его замѣчательной находчивости при подборѣ доказательствъ. Онъ, при обсужденіи даже спеціальныхъ вопросовъ, никогда не смотрѣлъ на дѣло сквозь узкое оконцо этой только спеціальности; его взглядъ всегда обнималъ несравненно большій горизонтъ и вслѣдствіе этого видѣлъ больше (хотя, можетъ быть, и менѣе отчетливо). Внѣшнимъ выраженіемъ этой широты кругозора является весьма необычная въ наше время разносторонность его литературныхъ трудовъ. Здѣсь мы видимъ въ немъ теоретика познанія, метафизика, богослова-догматиста, богослова-экзегета, моралиста, политическаго мыслителя, литературнаго критика, беллетриста, поэта-стихотворца... Такой разносторонній писатель могъ найти доступъ ко всякой душѣ.

Если мы отъ этихъ формальныхъ чертъ, характеризующихъ писательство В. С—ча, обратимся къ содержанію его философско-публицистическихъ воззрѣній, то должны будемъ прежде всего сказать, что крайне трудно изложить и характеризовать ихъ въ немногихъ словахъ. Міровоззрѣніе его настолько сложно и своеобразно, что краткая схема непременно грозитъ дать одностороннее и невѣрное представленіе. Поэтому мы и не будемъ пытаться въ настоящемъ случаѣ устанавливать такую схему, а только укажемъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя подробности его философскаго ученія и напомнимъ нѣкоторыя наиболѣе цѣнные публицистическіе взгляды.

Историческое положеніе философіи В. С. Соловьева и его гносеологическая точка зрѣнія опредѣляются его своеобразнымъ отношеніемъ къ западной послѣ-Кантовской философіи. Отношеніе это выразилось въ его магистерской диссертациі. Основными направленіями въ развитіи западно-европейской мысли онъ считалъ рационализмъ (такъ онъ называлъ доктрины Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля) и эмпиризмъ (направленіе Бекона, Гоббеса, Локка, Спенсера и др.). Въ своемъ крайнемъ развитіи оба эти противоположныя направленія „сходятся въ одномъ существенномъ пунктѣ, именно въ томъ, что оба одинаково отрицаютъ собственное бытіе какъ познаваемаго, такъ и познающаго, перенося всю истину на самый *актъ познанія*, такъ что и исключительный рационализмъ и исключительный эмпиризмъ входятъ, какъ два вида, въ одно родовое понятіе формализма“. Логика Гегеля оказывается родною сестрой логика Милля. ¹⁾ Такъ какъ „логическій и эмпирический элементъ одинаково необходимы для истиннаго познанія и, слѣдовательно, исключительное обособленіе того или другого изъ этихъ элементовъ есть въ обоихъ случаяхъ *одностороннее отвлеченіе (абстрактный формализмъ)*“, то задачей философіи, желающей освободиться отъ этихъ дискредитирующихъ ее односторонностей, долженъ быть „надлежащій синтезъ элементовъ логического

---

¹⁾ Съ свойственной ему способностью самыя запутанныя отношенія представлять просто и наглядно, Вл. С—чъ выразилъ эти результаты противоположнаго развитія западно-европейской мысли въ двухъ схемахъ (силлогизмахъ).

а) *Рационализмъ* прошелъ три фазиса до полного своего завершения въ Гегель:

„1. (*Major* догматизма): истинно сущее познается въ апіорномъ познаніи“.

2. (*Minor* Канта): но въ апіорномъ познаніи познаются только формы нашего мышленія.

3. (*Conclusio* Гегеля): Ergo формы нашего мышленія суть истинно сущее“.

б) „Взаимное отношеніе ступеней въ развитіи *эмпиризма* можетъ быть выражено въ подобномъ-же силлогизмѣ:

1. (*Major* Бэкона): подлинно сущее познается въ нашемъ дѣйствительномъ опытѣ.

2. (*Minor* Локка и др.): но въ нашемъ дѣйствительномъ опытѣ познаются только различныя эмпирическія состоянія сознанія.

3. (*Conclusio* Милля): Ergo различныя эмпирическія состоянія сознанія суть подлинно сущее“.

и эмпирическаго“. Синтезъ этотъ осуществленъ въ „философїи безсознательнаго“ Гартмана, имѣющей своимъ девизомъ: „умозрительные результаты по индуктивной естественно-научной методѣ“. Философію Гартмана В. С. признаетъ „закономъ и необходимымъ произведеніемъ западнаго философскаго развитія“. Устранивъ изъ этой философіи „тѣ очевидныя нелѣпости, которыя вытекаютъ изъ ея относительной ограниченности и находятся въ противорѣчїи съ основными принципами“, онъ находитъ въ ней весьма важные положительные результаты, которые и образуютъ базисъ и исходный пунктъ его собственнаго философствованія. Вотъ какъ онъ формулируетъ эти результаты.

„1) По логикѣ или ученію о познаніи: признаніе односторонности и потому неистинности *обоихъ направленій философскаго познанія* ¹⁾ на западѣ, а именно направленія чисто-раціоналистическаго, дающаго только возможное познаніе, и направленія чисто-эмпирическаго, не дающаго никакого познанія,—и тѣмъ самымъ *утвержденіе истиннаго философскаго метода*.

2) По метафизикѣ: признаніе въ качествѣ абсолютнаго *всеначала*, вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей и гипостасей,—*конкретнаго всеединого духа*.

3) По этикѣ: признаніе, что *последняя цѣль и высшее благо достигаются только совокупностью существъ посредствомъ необходимаго и абсолютно цѣлесообразнаго хода мірового развитія, конецъ котораго есть уничтоженіе исключительнаго самоутвержденія частныхъ существъ въ ихъ вещественной розни и восстановленіе ихъ, какъ царства духовъ, объемлемыхъ всеобщностью духа абсолютнаго*“ ²⁾.

Эти результаты имѣли для В. С.—ча особенную цѣнность, потому что гармонировали съ его на другой почвѣ выработаннымъ міровоззрѣніемъ, — разумѣемъ его *богословскія убѣжденія*. Онъ нисколько не скрываетъ этого рода *предвзятости* въ своей оцѣнкѣ философскихъ ученій запада. И положительные результаты Гартмановой философіи онъ оцѣниваетъ

¹⁾ Здѣсь и ниже, въ выдержкахъ, курсивъ принадлежитъ самому В. С.—чу.

²⁾ Какъ видимъ, В. С. понимаетъ *этику* гораздо шире ея дѣйствительнаго содержанія, включая въ нее и *эстатологию* (часть теоретической философіи).

съ этой-же точки зрѣнія ¹⁾. Съ этой-же точки зрѣнія онъ опредѣляетъ и задачи собственнаго философствованія. „Оказывается, говоритъ онъ, что эти послѣдніе необходимые результаты западнаго философскаго развитія утверждаютъ, въ формѣ *раціональнаго познанія*, *тѣ самыя истины*, которыя въ формѣ *вѣры* и *духовнаго созерцанія* утверждались великими теологическими ученіями *Востока* (отчасти древняго, а въ особенности христіанскаго). Такимъ образомъ эта новѣйшая философія съ логическимъ совершенствомъ *западной формы* стремится соединить *полноту содержанія духовныхъ созерцаній Востока*. Опираясь съ одной стороны на данныя *положительной науки*, эта философія съ другой стороны подаетъ руку *религии*. Осуществленіе этого *универсальнаго синтеза* науки, философіи и религии должно быть высшею цѣлью и послѣднимъ результатомъ *умственнаго развитія*“.

Такимъ образомъ по своему *историческому положенію* философія В. С. Соловьева хочетъ быть синтезомъ положительныхъ результатовъ Гартмановой философіи и богословско-христіанскаго міровоззрѣнія ²⁾. По своему *гносеологическому принципу* она стремится быть отрицаніемъ односторонности раціонализма и эмпиризма, удержать цѣнные элементы обоихъ; эта цѣль достигается подъ руководствомъ „духовнаго созерцанія“, другими словами,—стало быть, выборъ между рѣшеніями подсказываемыми эмпиризмомъ или раціонализмомъ дѣлается посредствомъ *религіозной интуиции*. Поэтому мы имѣемъ полное право назвать В. С-ча въ гносеологическомъ *мистикомъ*.

Уже въ магистерской диссертациі намѣченъ существенный характеръ и метафизики В. С-ча. Всеединый конкретный духъ остается для него всегда альфой и омегой его метафизическихъ умозрѣній,—ихъ исходнымъ пунктомъ и конечною цѣлью. Въ докторской диссертациі, въ статьяхъ въ Ж. М. Н. Пр. и др. онъ даетъ намъ очеркъ многосложной и многообъемлющей системы, гдѣ этотъ метафизическій прин-

¹⁾ Не можемъ не замѣтить, что сближеніе Гартмановой философіи съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ есть результатъ нѣсколько односторонней и преувеличенной оцѣнки ея В. С.—мъ.

²⁾ Фактически кромѣ Гартмана В. С. испыталъ на себѣ весьма большое вліяніе Гегеля и особенно Шеллинга.

ципъ находить себѣ самое разнообразное и, по временамъ, даже неожиданное употребленіе. Метафизика В. С-ча является *монизмомъ*, съ сильной *пантеистической* окраской. Но онъ все-таки не былъ въ полномъ смыслѣ пантеистомъ. Отъ этого его удержалъ гносеологическій его принципъ, коренящійся въ данныхъ христіанскаго міросозерцанія.

Въ тѣсной связи съ метафизикой стоитъ у нашего мыслителя *философія религіи*. Религію онъ опредѣляетъ, какъ воссоединеніе человѣка и міра съ безусловнымъ и всецѣлымъ началомъ. Она состоитъ въ приведеніи всѣхъ частныхъ началъ и силъ человѣчества въ правильное отношеніе къ безусловному началу, а чрезъ него и въ немъ къ правильному отношенію ихъ между собою. Чрезвычайно любопытна его теорія богопознанія, перебрасывающая мостъ отъ чисто философскихъ его изслѣдованій къ *богословскимъ* теоріямъ и воззрѣніямъ. Но размѣры нашей замѣтки не позволяютъ намъ касаться здѣсь какихъ-либо подробностей, тѣмъ болѣе, что они такъ оригинальны, что не могли-бы быть только указаны.

По тѣмъ-же причинамъ, отчасти, не будемъ мы касаться и *этическихъ* его воззрѣній. Къ тому-же, послѣднія, вѣроятно, у многихъ еще свѣжи въ памяти вслѣдствіе недавняго только появленія въ свѣтъ „Оправданія добра“. А читатели „Богословскаго Вѣстника“, вѣроятно, помнятъ ихъ по рецензій Н. Г. Городенскаго (Бог. Вѣстн. 1899, кн. 2).

Въ порядкѣ системы этика В. С-ча должна образовать фундаментъ для его *философіи права* (такая точка зрѣнія не разъ подтверждается въ „Оправданіи добра“). Онъ не далъ намъ полнаго научнаго очерка послѣдней. Но за то онъ много потрудился надъ проведеніемъ въ сознаніе русскаго общества здравыхъ понятій о справедливости, социальной и международной этикѣ и т. п. Вѣнцомъ публицистической дѣятельности нашего мыслителя является, какъ мы говорили, его „Національный вопросъ“. Въ первой части его мы имѣемъ положительную программу, предлагаемую авторомъ вниманію просвѣщенной Россіи, а во второй—преимущественно отставленіе своихъ воззрѣній отъ различныхъ нападеній на нихъ со стороны славянофильской и реакціонной печати.

Вотъ какъ самъ В. С. въ предисловіи къ 1-ой части резюмируетъ свою программу, приурочивая ея пункты къ отдѣльнымъ помѣщеннымъ въ этой части очеркамъ:

„Національный вопросъ для многихъ народовъ есть вопросъ объ ихъ существованіи. Въ Россіи такого вопроса быть не можетъ. Тысячелѣтнею историческою работою создалась Россія, какъ единая, независимая и великая держава. Это есть дѣло сдѣланное, никакому вопросу не подлежащее. Но чѣмъ прочіе существуетъ Россія, тѣмъ настоятельнѣе является вопросъ: для чего и во имя чего она существуетъ? Дѣло идетъ не о матеріальномъ фактѣ, а объ идеальной цѣли. Національный вопросъ въ Россіи есть вопросъ не о существованіи, а о *достойномъ существованіи*“.

1. „Человѣкъ существуетъ достойно, когда подчиняетъ свою жизнь и свои дѣла нравственному закону и направляетъ ихъ къ безусловнымъ нравственнымъ цѣлямъ. Ложный и вредный предрасудокъ, отдѣляющій политику отъ нравственности, мѣшаетъ прилагать къ жизни народовъ высшія требованія личной жизни. Но по-истинѣ нравственный законъ одинъ для всѣхъ и во всемъ. Область вопросовъ политическихъ есть лишь новая, болѣе широкая и сложная сфера для примѣненія тѣхъ самыхъ идеальныхъ началъ, которыми должна управляться личная дѣятельность каждаго. Здравая политика есть лишь искусство наилучшимъ образомъ осуществлять нравственныя цѣли въ дѣлахъ народныхъ и международныхъ. Поэтому руководящимъ мотивомъ политики должны быть не корысть и не самолюбіе національное, а долгъ и обязанность“ (гл. I. *Нравственность и политика. Историческія обязанности Россіи*).

2. „Съ точки зрѣнія національнаго эгоизма, донинѣ господствующаго въ политикѣ, каждый народъ есть особое, довлѣющее себѣ цѣлое, и свой интересъ для него есть высшій законъ. Нравственный долгъ требуетъ отъ народа прежде всего, чтобы онъ отрекся отъ этого національнаго эгоизма, преодолѣлъ свою природную ограниченность, вышелъ изъ своего обособленія. Народъ долженъ признать себя тѣмъ, чѣмъ онъ есть по-истинѣ, т. е. лишь частью вселенскаго цѣлага; онъ долженъ признать свою солидарность со всѣми другими живыми частями этого цѣлага,—солидарность въ высшихъ всечеловѣческихъ интересахъ,—и служить не себѣ, а этимъ интересамъ въ мѣру своихъ національныхъ силъ и сообразно своимъ національнымъ качествамъ. Такое нравственное самоотреченіе народа ни въ какомъ случаѣ не можетъ совершиться вдругъ и за разъ. Въ жизни націи, какъ и отдѣльнаго лица, мы находимъ постепенное углубленіе нравственнаго сознанія. Такъ прошедшее русскаго народа представляетъ два главныхъ акта національнаго самоотреченія—призваніе Варяговъ и реформу Петра Великаго. Оба эти великія событія, относясь

къ сферѣ матеріальнаго государственнаго порядка и ви́шней культуры, имѣли лишь подготовительное значеніе, и намъ еще предстоитъ рѣшительный вполнѣ сознательный и свободный актъ національнаго самоотреченія“. (гл. II. *О народности и народныхъ дѣлахъ Россіи*).

3. „Этому исполненію нашего нравственнаго долга препятствуетъ лишь неразумный псевдопатріотизмъ, который подъ предлогомъ любви къ народу желаетъ удержать его на пути національнаго эгоизма, т. е. желаетъ ему зла и гибели. Истинная любовь къ народу желаетъ ему дѣйствительнаго блага, которое достигается только исполненіемъ нравственнаго закона, путемъ самоотреченія. Такая истинная любовь къ народу, такой настоящій патріотизмъ тѣмъ болѣе для насъ, Русскихъ, обязательнѣе, что высшій идеаль самого русскаго народа (идеаль „святой Руси“) вполнѣ согласенъ съ нравственными требованіями и исключаетъ всякое національное самолюбіе и самомиѣніе“ (гл. III. *Любовь къ народу и русскій народный идеаль*).

4. „Освобожденіе отъ національной исключительности облегчается для Россіи и тѣмъ обстоятельствомъ, что на пути народнаго эгоизма, отдѣляющаго ее отъ западной культуры, Россія не можетъ достигнуть ближайшей естественной цѣли своей политики—объединенія славянскихъ народовъ, собиранія славянскаго міра. Большая половина нашихъ единоплеменниковъ (Поляки, Хорваты, Чехи и Моравы) по духовнымъ началамъ своей народной жизни примыкаютъ къ западному міру, и при отрицательномъ отношеніи къ Западу мы не можемъ стать для нихъ настоящимъ цетромъ единенія“ (гл. IV. *Славянскій вопросъ*).

5. „Такимъ образомъ, и высшія нравственныя соображенія, и идеаль русскаго народа, и ближайшія нужды нашей политики побуждаютъ насъ отказаться отъ народнаго обособленія и эгоизма, совершить актъ національнаго самоотреченія. Разумѣется, такой актъ возможенъ только при полной духовной свободѣ Россіи, при свободѣ въ ней мнѣнія и мысли. Настоятельная потребность наша, существенное практическое условіе для исполненія нашего высшаго національнаго призванія есть *духовное освобожденіе Россіи*—дѣло несравненно болѣе важное, нежели то гражданское освобожденіе крестьянъ, которое было величайшимъ подвигомъ прошлаго царствованія (писано въ 1888 г.). Россія достигла нынѣ національнаго совершеннolтiя, и пора снять опеку съ ея вѣры и мысли“ (гл. V. *Что требуется отъ русской партіи?*)

6. „Россия обладает, быть можетъ, великими и самобытными духовными силами но для проявленія ихъ ей во всякомъ случаѣ нужно принять и дѣятельно усвоить тѣ общечеловѣческія формы жизни и знанія, которыя выработаны западной Европой. Наша внѣ-европейская или противу-европейская преднамѣренная и искусственная самобытность всегда была и есть лишь пустая претензія. Отречься отъ этой претензіи есть для насъ первое и необходимое условіе всякаго успѣха“ (гл. VI. *Россия и Европа*)“.

Эта программа неволью располагаетъ къ себѣ своимъ высокимъ нравственнымъ одушевленіемъ. А личность ея автора рисуется намъ въ свѣтломъ ореолѣ проповѣдника начальширокой гуманности, терпимости, прогресса и либерализма въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Во второй части В. С. продолжалъ далѣе развивать ту-же программу. Здѣсь между прочимъ онъ съ самой блестящей стороны обнаружилъ еще одинъ изъ своихъ талантовъ: онъ явился здѣсь образцовымъ *полемистомъ*. Полемика въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является труднѣйшимъ видомъ литературы. Въ спорѣ рѣдко у насъ кому удается, отстаивая интересы дѣла, не свести рѣчи на личные счеты съ противникомъ. Оттого такъ часто и бываетъ неприятно читать полемическія статьи. В. С. въ этомъ случаѣ завѣщаль намъ самые достоподражаемые образцы полемики горячей, находчивой, пикантной, но безусловно деликатной въ отношеніи противника. Діалектикъ онъ былъ образцовый и всегда чрезвычайно ловко умѣлъ поставить споръ въ надлежащія рамки.

На этомъ мы и прервемъ изложеніе своихъ впечатлѣній отъ литературныхъ трудовъ покойнаго В. С. Соловьева. Думаемъ, что какъ выдающійся философъ, богословъ и литераторъ, онъ найдетъ себѣ надлежащую оцѣнку и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ,—въ томъ вліяніи на послѣдующую русскую мысль, которое обыкновенно считается лучшей наградой для мыслителя.

1900 г. 11 августа.

П. Тихомировъ.